

Сабина Сайгун

Красные туфельки

18+

Сабина Сайгун

Красные туфельки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72699634

SelfPub; 2025

Аннотация

«Красные туфельки» – это пронзительная и жесткая история о детстве, лишенном защиты и любви. Это тридцатая, юбилейная книга автора, которую она посвятила человеку, помогшему ей выбраться из тяжелого периода жизни.

Повествование, ведущееся от первого лица, погружает читателя в мрачный мир ребенка, столкнувшегося с несправедливостью, насилием и предательством самых близких людей. Девочка отчаянно пытается выжить, сохранить в себе человечность и найти хоть крупицу тепла в ледяном мире взрослого равнодушия и жестокости. Ее красные туфельки – символ хрупкой надежды и того далекого, нормального детства, которого у нее никогда не было.

Это тяжелая, но важная книга, поднимающая темы домашнего насилия, социального сиротства, стойкости человеческого духа и поиска спасения даже в самых безысходных обстоятельствах.

Сабина Сайгун

Красные туфельки

Это были тяжёлые моменты моей жизни, когда я начала работу над произведением «Красные туфельки». Было то время, когда мне казалось, что жизнь остановилась. Ничего не двигалось со своих мест, ничего не менялось, ничего не улучшалось, разве что наоборот. В конце концов, однажды утром я поймала себя на мысли, что мне больше не хочется просыпаться. Наверное, я переживала депрессию. Выбраться из этого состояния мне помог один прекрасный Человек. Человек, которому я многим обязана, которого очень люблю, поэтому именно Ему я посвящаю свой юбилейный труд. Посвящаю в память всего прекрасного, всего хорошего, что он мне подарил. Посвящаю со всей любовью.

В этот тяжёлый для меня период я изливала душу на бумаге, и в результате в свет вышла моя юбилейная, тридцатая книга. Все персонажи, события данной книги – мой вымысел. «Красные туфельки» – это единственное из моих произведений, которое я сама несколько раз перечитывала, при этом ничего более не добавляя, ничего не убирая. Откуда этот сюжет, откуда эти герои – не знаю. Но знаю одно: я двумя руками против всего плохого, что может быть в нашей жизни, я против жестокости, против несправедливости, я

против произвола и насилия. Особенно произвола семейного. Наши дети – это наше счастье, это смысл всей нашей жизни, это самое прекрасное, что с нами может произойти. Я желаю им здоровья! Каждому малышу, каждому ребёнку я желаю полной, счастливой, любящей и заботливой семьи. Каждой семье я желаю побольше малышей!

Мне было девять, когда в деревянные двери нашего дома постучался какой-то мужчина.

Ах, здравствуй, Магеррам, – покраснела мама, схватив его за рукав меховой куртки и втянув внутрь дома. Магеррам тяжело опустился в скрипучее кресло, вытянув перед собой длинные ноги в заштопанных носках.

Встань, разложи тарелки и нарежь хлеба! – прошипела мама, раскладывая перед незнакомцем фрукты. – Будешь персики? – заулыбавшись, предложила она ему. – Чуть позже обязательно попробую, – усмехнулся Магеррам. Засмотревшись на них, я случайно уронила тарелку с супом. Рухнув на пол, она разбилась вдребезги, резким эхом отозвавшись в полупустых комнатах и расплескав повсюду содержимое. Трясущимися руками я стала собирать неровные осколки, вдруг ощутив холодную ладонь мамы на моей щеке. В глазах блеснуло, а к щеке подкатил жар.

Дрянь безмозглая! – не сдержалась мама и, схватив меня за волосы поволокла в сторону входной двери. Я ощутила во рту безвкусный снег, ударившись лицом о землю и услышав

за собой стук только что запертой двери. Мама вышвырнула меня на улицу.

Гав! – не узнав меня, рывкнул дворовый пёс.

Это я, Лали! – сдерживая слёзы и потирая руки, проговорила я, озираясь на дверь. Обычно минут через пятнадцать она открывалась и, когда незнакомый дядя выходил и даже если дядя не уходил, она всё равно открывалась и мама впахивала меня обратно. Но в этот вечер мама обо мне забыла. Больше не чувствуя ног и замёрзших рук, я посмотрела в сторону будки Лали. Он не спал, уставившись на меня круглыми чёрными глазами. Лали был очень умным и преданным псом. Не помню, как он к нам попал, но помню, что с того самого момента он был посажен на звонкую цепь.

Лали, – шепнула я, и он ласково замахал пушистым хвостом. Я с трудом подошла ближе к старой будке и залезла внутрь. Тут было относительно тепло. Холодный ветер не проникал внутрь, а пролетал мимо, лишь посвистывая и подгоняя вперёд пушистые снежинки. Из Лалиной будки я могла наблюдать за моим домом. – Ты точно также лежишь и наблюдаешь за нами? – обращалась я к псу, на что тот недовольно рывкнул и, улёгся рядом, стараясь большее место в будке уделить мне. Видимо, мама была пьяна, потому что сквозь свист ветра я отчётливо слышала её невнятный голос. Он становился таким, когда она пила эту прозрачную жидкость из длинной бутылки. Тогда она становилась такой смешной! Иногда Лали резко вылезал из будки и громко ла-

ял в ответ на громкий смех мамы или дяди Магеррама, будто напоминая им обо мне.

Сюда! Сюда! – стала молить я пса, когда услышала скрежет двери и медленные шаги кого-то по веранде. Видимо, дядя Магеррам спустился во двор, потому что в будку стал доноситься хруст только что усилившегося снега.

Заткнись, скотина! – он явно пнул пса под живот, потому что Лали резко застонал и юркнул обратно в будку. Я обняла животное за шею, прижавшись к нему всем телом. «Не бойся, Лали!».

А! Вот ты где, ублюдка! – дядя Магеррам схватил меня за волосы и с трудом вытянул из собачьей будки. Лали не пошевелился, в его маленьких, но умных глазах застыл страх.

Издохнешь ведь с холоду! – волок он меня внутрь вверх по ступеням. Мама лежала на диване у камина, чуть прикрывшись шерстяным одеялом. Она крепко спала. Юркнув к камину, я всячески старалась согреть замёрзшие руки. Дома неприятно пахло. Из того, что приготовила мама, ничего не осталось, я стянула со стола кусок хлеба, наблюдая за дядей Магеррамом.

Подойди ближе, ублюдка! – скомандовал он, и я медленно подошла к нему. Он сидел в кресле, посасывая из зелёной бутылки пахучее пиво. – Это же ждёт и тебя! – указал он на маму, – такая же будешь б...ь! Все вы, бабы, одинаковые! Я смотрела то на него, то на старый пол, пока не ощутила сильный удар ногой в живот. Меня отбросило в сторону, а от

боли загудело в ушах. Кусок подсохшего хлеба так и остался лежать у кресла, в котором он сидел. Скрючившись, и поджав под себя ноги, я закрыла глаза. На сегодня хватит! Лучше уснуть!

Очнувшись утром на холодном полу, я не чувствовала живота. Огромный синяк, размазанный по всему животу, как чёрное облако, не позволял мне ни согнуться, ни разогнуться. Я с трудом доползла до своей комнаты и свалилась в постель. Сквозь болевой сон я определила, что мама давно проснулась и отмывает грязь вчерашней ночи не с себя, а с полов, со стола и с посуды. Она явно открыла двери, чтоб проветрить комнаты, потому что я почувствовала ледяной холод и крепче завернулась в старое одеяло, стараясь ничего не вспоминать.

Он стал приходить чаще, а спустя несколько недель почти каждый день, стал приносить нам фрукты, иногда мясо и душистую зелень, а в итоге дядя Магеррам и вовсе переселился к нам. Мама отстирывала его одежду, развешивая изношенные джинсы и пожелтевшее нижнее бельё, готовила сытный суп, сама ходила в магазин, а вечерами подолгу копалась в теплице. Я не помню точно, чем занимался дядя Магеррам, но, по-моему, он работал на ферме в соседней деревне. От него всегда стойко пахло соляжкой и машинным маслом. Возвращался он поздним вечером, как раз тогда, когда

на тёмном небе начинали проявляться чёткие контуры плённых звёзд. Мама стаскивала с него тяжёлые сапоги, укладывала его вонючие ноги на маленькой подставной стульчик у дивана, а сама бежала в баню за горячей водой. Когда дядя Магеррам приходил, я старалась не показываться ему на глаза и почти всё время проводить в своей комнате. Мне повезло, что он уходил ранним утром и появлялся, как тень, поздним вечером. Так что мне приходилось прятаться в своей комнате около двух-трёх часов, пока, напившись, они с мамой засыпали. Иногда сквозь сон я часто слышала жуткие мамины стоны. Мне было жаль её. Детское сознание подсказывало мне, что мама так стонет от боли, и однажды, собравшись с силами и поджав под мышку одноухого медвежонка, я маленькими шажками потопала в их комнату, хотя подниматься туда мне было строго настрого запрещено. Я подтолкнула деревянную дверь, и она чуть слышно скрипнула.

Мам, тебе плохо? – выдавила я и сделала шаг вперёд. Мама лежала на постели, почему-то снова совершенно голая. Мне часто приходилось видеть её в таком состоянии, но в этот раз голым был и дядя Магеррам.

Почему вы делаете больно моей маме? – простонала я, подтирая подтёкшие сопли. Он меня услышал и, совершенно не смущаясь наготы, сполз с моей мамы и, сделав пару шагов, вплотную подошёл ко мне так, что все его прелести оказались у моего лица.

Что ты тут делаешь, пиявка? – опустил он на одно ко-

лено. Сначала от удара по голове меня затошнило, потом почему-то швырнуло в сторону и в итоге, сама не знаю как, я скатилась с лестницы второго этажа к самой печи и больше ничего не помнила. Утром о прошлой ночи мне напоминало опухшее лицо, посиневшие губы, шишка на голове и ссадины по всему телу. Я лежала и глупо смотрела в потолок, а мой одноухий мишка с вшитыми глазами-пуговками так и остался обреченно лежать на полу у дверей маминной спальни. Наверное, мама меня любила, потому что по субботам она согривала в железной кастрюле воду, разбавляла её холодной водой и купала меня, подстригала мне ногти, расчёсывала волосы и заплетала их в тугую косу, отчего виски у меня натягивались и подолгу зудели. Мама стирала мою одежду, чистила мои единственные красные туфли, а по утрам жарила мне яичницу с зеленью и сыром. Очень часто, когда дяди Магеррама не было дома (а дома его не было до самого вечера) к нам приходили другие дяди и мама, всучив мне в руки горбушку хлеба, отправляла меня «погулять во дворе». Я отправлялась чуть дальше, ближе к протекающей поблизости с нашей деревней реке. Я усаживалась на высокий плоский камень и подолгу рассматривала округу. Когда очередной незнакомый дядя уходил, у мамы появлялось немного денег. Она прятала их в свою подушку, аккуратно зашивая сделанный порез на ткани.

Мы уедем из этого чёртового места раз и навсегда! – трясла она меня за плечи, а мне приходилось прикрывать нос, по-

тому что выносить запах из её рта было невозможно, ночами мама очень много пила. «Только дядя Магеррам не должен знать, что дядя Акиф, Сулейман, Сеид, Алиас были у нас», – настаивала мама, и я кивала головой. С каждым разом этот список рос, и я стала забывать их имена, в конце концов, определив для себя, что лучше дяде Магерраму вообще ничего не знать. Я хватала кусок хлеба, запасалась помидорами и бежала на улицу.

Я делаю это для твоего будущего, – заискренилась однажды мама.

Что? – не понимала я.

– Ну, работаю и собираю деньги!

Я задумывалась, потому что буквально через несколько часов то, что мама собирала для моего будущего, спускалось в кассу деревенского магазинчика в обмен на пару литров крепкой водки. Меня это не удивляло и даже не обижало, не вызывало никаких возражений, а даже радовало, когда на оставшуюся сдачу я могла взять с прилавка пакетик жевательной резинки или стеклянных конфет со вкусом клубники. Я топала вслед за мамой в сторону нашего дома, иногда опаздывая и отставая в шагах, крепко сжимая в руках вкусные сладости. В школу я не пошла. Я сидела на деревянном подоконнике нашего дома, устремив глаза по направлению к сельской дороге, по которой каждое утро проходили десятки малышей и подростков, спешащих на занятия в школу. Я рассматривала их резиновые сапожки, выпачканные в сен-

тябрьской грязи, их цветные курточки и пальтишки, красные шапочки, мелькающие по утрам туда, а вечером обратно, и вздыхала. Кто-то возвращался, держась за руки, кто-то одиноко плёлся обратно, кого-то вела бабушка или мама. Тогда я оборачивалась в сторону комнат, выискивая глазами свою маму. Моя мама, если не стояла у плиты или не стонала в спальне, собирая что-то мне на будущее, то обязательно лежала на обшарпанном диване у плиты, раскинув по сторонам руки, а вокруг валялись зловещие, недавно опустошённые бутылки с дурманящей жидкостью.

Твоя мама – шлюха! – заявила мне однажды соседская девчонка из тех, что каждое утро ходит в школу.

– И что?

Ты поэтому не ходишь в школу, – продолжала она, – потому что ты тоже будешь шлюхой?

Кто тебе это сказал? – привстала я, стараясь быстрее ускользнуть домой.

– Это все знают. А мне моя мама сказала! А ещё, если мой отец ещё раз придёт в ваш дом, моя мама и дядя сожгут его, – она подошла ближе и внезапно плюнула мне в лицо. Липкая слюна сползла по моей щеке и свисла с подбородка. Я выдохнула и бросилась ей в лицо, схватив её за длинные рыжие волосы, стараясь искусать её изнеженные руки. На дикие вопли рыжей бестии прибежала её родительница и выместила на мне всю скопившуюся за эти годы злость на мою мать. Я пришла домой в изодранном платье и с разбитым лицом.

Мамочка Адели не сжалилась и выдрала мне клок волос на затылке.

Кто это тебя так? – рассматривал вечером моё лицо дядя Магеррам.

Никто, – обошлась с ответом я.

Что ты её рассматриваешь? – спохватилась мама.

У неё лицо разбито. Это ты так отмутузила её? – оскандился дядя Магеррам.

Нееет, – протянула мама и уселась ему на колени. Я спряталась в комнату. На кровати, прижавшись к подушке, сидел мой одноухий мишка, за этот год потерявший свой последний глаз. Единственный друг! У того, чем занималась мама, значит, было название, и многие мамы деревни это знали. Быть может, поэтому к нам никто не приходил. Никто не поздравлял нас с праздником и не приходил в гости. Быть может, потому мама не отослала меня в школу – там нет места таким, как я!

Дни проходили один за другим одинаково бесполезно. Одинаково серо. Прошла зима, весна промелькнула, а впереди предстояло пережить ещё одно лето. Лето мне нравилось, несмотря на то что ночами было душно и невозможно спать, а по старым стенам дома рассаживались прожорливые комары. Летом большую часть времени мама проводила в поле, на нашем участке. Она в одиночку собирала картофель, помидоры, зелёный перец и баклажаны, укладывала их в дере-

вянные ящики и вывозила на арендованном Ford Transite в город на рынок. Она приезжала поздним вечером в хорошем настроении и с деньгами. В этот раз заработанными честным трудом. Кое-что мы припрятывали на следующий сезон на покупку удобрений и посев, а остальное запасали на зиму – на продукты.

Дядя Магеррам пришёл с работы раньше обычного, он стянул с себя выпачканные в грязи и зимой и летом сапоги и уселся в любимое кресло.

Мать ещё не вернулась?– прогремело по всем комнатам. Я отбросила в сторону подушку, обнявшись с которой лежала на постели, и прошла в гостиную.

–Ты чего не слышишь? Немая?

–Нет.

–Что нет?

Не вернулась ещё,– чуть слышно проговорила я.

Он захрапел, а я решила погреть приготовленный мамой ужин и накрыть на стол. Спустя некоторое время дядя Магеррам помыл руки, смыв с них жёлтое масло, и уселся за стол.

Послушай, неудачница, сюда кто-нибудь приходит, пока меня дома не бывает?– он устремил на меня проницательный холодный взгляд.

Я вздрогнула, но сразу вспомнила мамин наказ.

Нет,– вырвалось с губ.

Значит, я был прав – по стопам матери пойдёшь!– он

опрокинул стакан волшебной жидкости, через некоторое время превратившее его в бессознательное существо, чавкающее над тарелкой рисового супа и что-то бурчащее себе под нос.

Такая же тварь будешь! – выкрикнул он, отчего во дворе раздался преданный лай Лали, – Ах, мерзкая псина! Перечить мне будешь! – Он вывалился из дому на улицу и поплёлся к будке. Услышав знакомые шаги, Лали потерял уверенность в голосе, вильнул пушистым хвостом и, заскулив, бросился в будку. По дороге дядя Магеррам прихватил лежащую на земле лопатку.

Сейчас я тебе покажу, псина! – прошипел он, и я будто очнулась.

Нет, дядя Магеррам, – бросилась я к нему в ноги. – Вы убьёте его! Умоляю, не надо! – вопила, что есть силы я, не ощущая от накативших мыслей его пинков мне в живот и грудь. Я обхватила руками его ногу.

Сгинь, сатана! – кричал он. Собака стала скулить, иногда выбегая из будки, рывкая и снова прячась внутрь. Внезапно у меня изо рта потекла кровь, но и это не остановило дядю Магеррама. Он перевернул в руках лопату и со всей силой пнул меня деревянной рукояткой в плечо. Я застонала от боли и упала прямо у будки Лали, прикрыв костлявым телом маленький вход в неё. Мы лежали с Лали лицом к лицу, я рассматривала стенки своего убежища. Лали рассматривал моё окровавленное лицо.

Тварь ты! – он в последний раз пнул меня ногой в бок. Я не пошевелилась. Я упала в обморок, сознание на время оставило меня.

Я с трудом приподнялась с земли, волоча за собой отёкшие ноги. Застывшая на лице кровь стягивала кожу. Я прошла внутрь дома. Мама лежала на полу, а рядом с ней валялись выбитые им ночью её зубы. Я ничего не слышала, а может, и слышала её стоны и мольбы, слышала пощёчины и пинки. Дядя Магеррам избил маму, изуродовал ей лицо, сломал ногу и выбил сразу несколько зубов кулаком. Она приехала из города в гипсе и с перемотанной головой.

– Он забрал все наши деньги! Это ты ему сказала?!!! – промычала мама, а сквозь пустоты от бывших зубов у неё отскакивала со рта слюна.

– Нет, клянусь, нет! – хотела было заплакать я, но боли в спине не позволяли сделать это.

– Ты! Ты! С момента, как ты появилась, вся моя жизнь пошла на пере- косяк! – кричала мама, вытянув и уложив на стуле загипсованную ногу.

– Почему же он избил тебя? – вдруг опомнилась она, будто заметив, что правого глаза у меня на лице совершенно не видно.

– Он хотел убить Лали, а я заступилась!

В тот вечер я оставила маму одну, заварив ей крепкого чаю, а сама отправилась во двор.

– Пошли, Лали, пошли! – тянула я за цепь покорное животное, пока мы не вышли в сторону реки. Здесь было спокойно и тепло. Лали сидел рядом, вывалив изо рта розовый язык и наблюдая за летающими над рекой птицами. Впервые за всё это время я задумалась. Глубоко и по-взрослому.

– На, Лали, – я угостила единственного друга печеньем, – Так больше продолжаться не может!

– Так больше продолжаться не может, мам!– начала я, на что мама открыла опухшие глаза. – Я устала! Я хочу в школу, как все девочки и мальчики нашей деревни! Я устала, что ты пьёшь! Устала, что тебя бьют! Я устала жить так, как мы живём!

Будто слыша мой голос со двора, мне понимающе поддакивал Лали. В тот день только он отозвался мне. Вечером к нам в дом пришёл кто-то в форме. Мама всегда странно относилась к людям в полицейской форме, по большей части пытаясь с ними никогда не сталкиваться. Он стоял над ней, выпрямив спину и удерживая в руках маленький блокнот.

– Так где вы упали? – раздался его сдержанный голос, явно не верящий словам мамы.

Чуть вытянув руку, мама указала на деревянную лестницу, ведущую на второй этаж. Мужчина в форме сморщил лоб и прикусил губу, сделав шаг в сторону лестницы и внимательно рассмотрев её со всех сторон.

– А ваша дочь тоже упала с лестницы?

Я закрыла левый глаз, потому что правый и без того оставался закрытым, и опустила голову. Он сел в кресло напротив мамы.

– Внимательно послушайте меня, – он сделал строже и ниже голос. – Мне предельно надоело то, что вы устраиваете у себя дома. Надоело каждый раз появляться на вашем пороге и выслушивать вашу ложь, делая вид, что вы умнее, но я предупреждаю вас – закрывать глаза на вот это (он показал пальцем в мою сторону) состояние ребёнка я не стану и сейчас же напишу доклад в адрес начальника управления.

Мама изменилась в лице, собрав у переносицы брови.

– Может, мы с вами договоримся? – она сделала нежнее голос, а меня стало тошнить от её доступности.

– На меня подобное не действует! – изобразив на лице отвращение, он встал на ноги. Я отодвинула далеко-далеко все мысли и бросилась в сторону участкового полицейского.

– Пожалуйста, – взмолилась я, – Я сама виновата. Сама! – рыдала я, ощущая, как сдавливается от боли грудь.

Слёзы из моих глаз стали обжигать щёки, руки затряслись от страха, что если маму накажут из-за меня, то она мне никогда этого не простит!

– Ненавижу этого идиота!!! – вырвалось у мамы, когда обескураженный полицейский захлопнул нашу дверь, всё же высказав маме то, что его больше всего беспокоило. Все оставшиеся дни превратились для меня в каторгу.

– Неужели он не вернётся? – плакала мама, выглядывая в окно, – Как он мог узнать? Кто ему мог сказать?

– Наверное, кто-то из тех, кто приходил к тебе в гости, – не выдержала я. Мама замолчала, впервые за всё время не ударив, не пнув меня, не оскорбив. Она просто, рухнула в кресло, уложив на стол ногу и закатив глаза от боли. Я поставила перед ней чай, потому что больше ничего съедобного дома не было. За окнами дома, облизываясь и скуля, сидел на цепи Лали.

– Мама, ты не проголодалась? – постаралась напомнить о еде я. Она мотнула головой в знак того, что не голодна. В доме стало душно. С одной стороны воздух сдавливала летняя жара, а с другой мамино настроение. С того дня как мама приехала из городской больницы, она не купалась, не причёсывалась, хотя я несколько раз согревала воду, приносила мыло и шампунь. Маму даже не беспокоили пропавшие деньги, её больше всего беспокоил дядя Магеррам. Извиваясь и крича, что есть силы от боли, она ждала его вечерами, захлёбываясь слезами. Так прошла неделя.

– Это всё ты, ублюдка! Всё ты! Я знаю, что к чему! Ты думаешь, я не поняла, почему ты меня заложила? – скалилась мама, сжимая кулаки. Ах, если бы не мамина сломанная нога – туго бы мне пришлось. Я съела жёлтое яблоко, обстрелянное чёрными пятнышками, но удалить чувство голода не получалось. Тем временем мама около восьми дней ничего не ела, разве что чай с кусочком лимона раз шесть в день.

– Мам, у меня от голода голова кружится!

– Ну, так пойди и заработай! – выкрикнула она с такой силой и злобой, что на эхо отозвался знакомый голос Лали. Я вздрогнула. Именно эти слова мамы заставили меня на долгие годы полностью поменять своё отношение к ней. Не знаю, что стало происходить со мной, но по нескольку раз в день и даже ночами, когда я спала, мне холодно и дерзко кто-то шептал: «Пойди и заработай!». Я помню, как мы добирались до города – это метров двести до центра деревни, потом надо занять место в автобусе и ехать до конца к самой площади, где, сидя на бронзовом коне, молодой мужчина крепко держал в руках тяжёлый меч. Я часто видела этот памятник, а за ним через несколько улиц стояло двухэтажное здание полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.